

"У меня есть несколько вопросов по поводу вашего трактата", - сказал Фугаку, когда спокойствие вернулось.

"Уверен, там нет ничего такого, о чем бы вы все не подумали сами", - возразил Масанари. Он даже не стал притворяться.

"Нет, конечно", - сухо ответил Фугаку, не сказав, о чем они все думали.

То, что простой гражданский (и даже не единственный) мог так откровенно и проникательно говорить о чем-то столь значительном, основываясь исключительно на открытой информации, было пощечиной каждому из них и всей деревне в целом. Шикаку был прав. Если простое гражданское лицо смогло вывести все это без всяких ухищрений, то какого черта они вообще делали в этой деревне?

"У меня только один вопрос по поводу этого... трактата", - заявил глава клана Учиха. "Когда вы говорили о "подпольных фракциях", что конкретно вы имели в виду?"

"... Лорд Хокаге, я полагаю, срок моей амнистии еще не истек?"

О, Боже. Хирузен едва успел парировать враждебную вспышку воли Данзо, прежде чем кто-то заметил это. Почему я позволил Фугаку обнадежить меня? "... Я готов продлить его до сегодняшнего дня, несмотря на все... самооговоры, скажем так, о действиях, совершенных вне этого периода".

"Верно", - пробормотал Ханзо. "В таком случае я могу только сказать, что искренне надеюсь, что вы не пытались сохранить это в тайне".

Взгляд Фугаку незаметно переместился на Данзо и обратно. "Это "оно"...?"

Ханзо неуверенно оглянулся на Хокаге. Хирузен вздохнул. Приказав молчать или что-то еще, Хирузен уличил бы себя, а если бы об этом узнал кто-то из гражданских, то какой в этом смысл? "Пожалуйста, говорите свободно".

"Итак... моя стена". Далее последовало подробное описание стеллажа Масанари Ханзо в подвале, стены за ним, трактат о физике материалов, участвующих в ржавлении гвоздей, и всего того, что не имело смысла во всей этой истории, после чего Ханзо наконец закончил: "И поэтому я очень надеюсь, что те, кто явно имел обо мне неверное представление, получили разъяснения по поводу своих приказов. Хотя я понимаю, что безопасность деревни очень важна, надеюсь, я уже достаточно доказал, что работаю на благо, а не против нее. Я был бы признателен, если бы мог жить без неуверенности в том, что надо мной все еще висит меч, если вы понимаете, о чем я".

Почему мне все труднее поверить в то, что это происходит? "... Знаете что, господин Масанари,

я не уверен, что понял ваш смысл. Пожалуйста, расскажите подробнее".

Ханзо обеспокоенно посмотрел на него. "Вы знаете... они. Я не могу сказать, как бы вы их назвали: "Жулики"? Анбу? Чистильщики, воры, нин, которых нельзя называть, ну, ты их знаешь".

Фугаку непринужденно прошелся по кабинету, случайно остановившись и прислонившись к стене, за которой прятался Данзо. "Это неплохая теория".

"Да, это действительно так", - Хирузен старался не выдать своего настроения. "Однако из этого подозрения следует, что это не так уж и просто".

"Суспи-лорд Третий, по крайней мере, половина деревни знает о них".

Фугаку вдруг уперся в стену Данзо ногой, покрытой чакрой. Хирузен надеялся, что тот просто проявляет излишнюю осторожность. "... Опиши свой ход мыслей".

"... Наверное? Даже самые черные Анбу имеют выходные дни и могут связаться со своей семьей по официальным каналам, пусть и с задержкой. Поэтому, когда ученики академии или генины набираются, чтобы исчезнуть с лица земли, не имея таких официальных каналов, родители обычно замечают. А еще они замечают, что их буквально до конца жизни не пускают по этим каналам. Отсутствие соглашений о неразглашении - еще один яркий признак. Не хочу этого говорить, но когда случайный ребенок-шиноби пропадает без вести, не удивляйтесь, если родители предположат, что это был тот самый нин, которого нельзя называть, а не официальная история".

О, как же Данзо должен был сожалеть о том, что не устранил этого человека, как он явно хотел бы сделать сейчас. "Полагаю, эти предположения разумны, но ничем не подкреплены". Как далеко ты зашел за мои границы, Данзо, если теперь тебя видит насквозь все население? "И это все?"

Ханзо посмотрел на Фугаку. "Прошу прощения за оскорбление, но эта политика внедрения детей с высоким статусом в Анбу с целью пропаганды сама по себе убеждает людей в том, что Анбу - это не настоящие Анбу".

Фугаку скрестил руки, сверкнув глазами. "Вы сомневаетесь в компетентности моего сына?"

"Я отвечаю на твой вопрос и вопрос Хокаге. Не убивайте гонца, пожалуйста".

Фугаку хмыкнул, раздраженный, но не смертельно обиженный. "... Ты говоришь, что все мирные жители знают об этом?"

"Не знаю, как все, но многие из нас - да. А мы действительно не должны были знать?"

Неужели он действительно спросил об этом? "Господин Масанари... если такая организация существовала, и если я, Хокаге, не знал о ней, или, наоборот, терпел ее существование, почему вы решили, что это не должно было быть настоящим секретом?"

"Ну... потому что к нему относятся как к одной из тех вежливых выдумок, о которых только вам позволено скромничать? По моему опыту, люди относятся к этому как к табу Джинчурики, но... ну, в общем, об этом никогда не было настоящего указа. Что вполне логично, если это изгой или секрет среди секретов черных оперативников, не упоминать о нем - дело привычное. Но у этого подхода "давайте похищать людей и надеяться, что они не заметят" есть срок годности, и на данный момент он, должно быть, истек десять или двадцать лет назад. Это фатальная слабость любой подпольной группировки с высокой текучестью кадров, это всем известно".

Все это знают, снова и снова повторял Хирузен. Все это знают, все это знают, все это знают...

"Если бы нин, которых нельзя называть, набирали только в Анбу, это не было бы так очевидно, но они этого не делают. Поэтому мы стараемся молчать об этом, пока нас не захлестнет паника или горе. Или, ну, выпивка. Тогда мы сочувствуем друг другу".

"И все же", - шелковисто сказал Фугаку. "Несмотря на столь масштабный кризис, как вы утверждаете, ни одна жалоба не прошла мимо моего стола".

Или на мой, но, опять же, насколько велики возможности Данзо, если...

"Потому что нам не разрешают жаловаться?" Тон Ханзо, черт бы его побрал, был настолько же недовольным, насколько и покорным. "Мы все знали, на что подписывали своих детей, когда переезжали сюда. Или думали, что знали. Не то чтобы мы имели возможность оценить "стратегическую выгоду от одного генина" или узнать, как это соотносится с другими нашими вкладами в жизнь деревни. Мы говорим себе, что деревня просто потребовала свою долю раньше, чем мы ожидали, и пытаемся жить дальше, молясь, что когда-нибудь снова услышим о своих детях. Те, кто не может с этим смириться, уезжают. Или убивают себя".

И это, мрачно подумал Хирузен, было самое ужасное, что сказал Ханзо с тех пор, как он впервые встретил этого человека. Неужели дух Воли Огня и впрямь был извращен до такой степени?